

КРЕСТЬЯНСКИЕ
СУДЬБЫ

*Рассказы
русских писателей
второй половины
XIX века*

Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей 60-70-х годов XIX века/ Вступ. статья и коммент. Ю. В. Лебедева.– М.: Современник, 1986. (Сельская б-ка Нечерноземья). Составитель, автор вступительной статьи и комментариев Ю. В. Лебедев // FB2: "rvvg ", 31 January 2012, version 1.0
UUID: F66053A5-E7DA-4C93-888C-4F89E6C1115D
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Иванович Наумов

Мирской учет

В книгу вошли произведения русских писателей-демократов 60—70-х годов XIX века Н.Успенского, В.Слепцова, А.Левитова, Ф.Решетникова, Ф.Нефедова, Н.Наумова, Н.Златовратского, С.Кароница, А.Эртеля, повествующие о полной бед и лишений жизни крестьян русской деревни в пореформенный период.

Содержание

#1	0005
ПРИМЕЧАНИЯ	0055
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НАУМОВ (1838–1901)	
0055	

МИРСКОЙ УЧЕТ

Максим Арефьич Ознобин, собираясь вывезти из тайги лес, заготовленный с весны на сруб для амбара, сколачивал на дворе дровни, когда приехавший из волости сотник сообщил ему, что он избран обществом в учетчики и должен явиться в волость. При взгляде на Максима Арефьича ему никто не дал бы более пятидесяти лет: до того он был бодр и свеж на вид, хотя ему давно было за семьдесят. Темно-русые волосы на голове не имели ни одной седины и, подстриженные спереди в скобку, обрамляли прямой, широкий лоб, прорезанный крупной морщиной, нависавшей над бровями, когда он задумывался. Лицо его было одно из тех, какие не часто встречаются в жизни. Особенного в нем ничего не было, но, всмотревшись пристальнее, вы замечали под наружною грубостью душевную теплоту и спокойную ясность, выражающие лучше слов и действий нравственную жизнь человека. В небольших серых глазах, смотревших несколько исподлобья, проглядывала ирония и вместе сосредоточенность мыслящего человека. Он был не словоохотлив, угрюм, но когда говорил, то речь его

была тиха, обдумана и выказывала опытный, наблюдательный ум, спокойно взвешивающий каждое явление, прежде чем произнести об нем решительное слово. Он был необщителен и точно сторонился от людей. Соберутся, бывало, однодеревенцы его в праздничный день около какой-нибудь избы, кликнут и Максима Арефьича примкнуть к беседе их, но молча махнет он рукой вместо ответа и примется за работу. А работу он всегда находил себе и не верил, чтоб у человека не могло найтись дела. Только неутомимым трудом он и не допускал нужды в избе своей. Не любил он вмешиваться в дела и в жизнь соседей и давать советы прибегающим за ними, говоря, что "свой ум в голове — лучший советчик, а у кого нет его, тому чужой не поможет!". Не любил выслушивать толки и пересуды крестьян друг про друга, на которые так же падки обитатели утлых, убогих деревенок, как и шумных столиц и городов. По волости знали его за человека глубоко честного, доброго, хотя уклончивого. Но уклончивости в нем, собственно говоря, не было, и в тех случаях, когда дело касалось общественных интересов,

он всегда приходил на сходы и молча выслушивал все толки, особенно же толки крикунов, которыми одинаково изобилуют все слои общества. Он никогда не возвышал против них своего голоса, зная по опыту, что мнения подобных людей лопаются, как мыльные пузыри, от столкновения с действительностью. Иногда и он высказывал свое мнение, и многим приходилось оно по душе, по ясному пониманию дела, изощренного опытным и наблюдательным умом.

Известие о выборе в учетчики было не совсем приятно для Максима Арефьича. Кроме того, что это отвлекало от хозяйства, он знал, с кем будет иметь дело, и заранее был уверен в неблагоприятном исходе его... Но все-таки в тот же день, прибравшись по домашности, уехал вместе с сотником в село Бог..., где находилось волостное правление.

Учетчики избираются крестьянами при вступлении на службу вновь избранных волостных начальников и при смене выслуживших сроки. Учетчики, как и волостные начальники, приводятся к присяге, прежде чем приступить к своей обязанности учета пра-

вильного сбора податей и денежных и хлебных недоимок с крестьян. В учетчики всегда избираются крестьянами люди испытанной честности, но не всегда грамотные, и, несмотря на это последнее обстоятельство, учеты производятся до мельчайших подробностей. Путем соображения при подушном раскладе, они высчитывают с такою верностью не только восьмые, но и шестнадцатые доли копеек, какой позавидовал бы любой контрольный или интендантский чиновник. Ни один учет не обходится без открытия крупных злоупотреблений и начетов на волостных начальников, но в большинстве случаев они проходят для них безнаказанно и падают всею своею тяжестью на тех же крестьян.

Задолго до смены выслуживших срок волостных начальников Бог...ой волости, раздавался ропот на тяжесть поборов и злоупотребления собираемыми суммами. Волостной голова, Акинф Васильевич Сабынин, пользовался хорошей репутацией, но, будучи человеком болезненным и недалеким, он не понимал своего назначения, не вникал в дела и нередко по месяцу не показывался в волость, кото-

рою управлял заседатель по хозяйственной части, Николай Семенович Харламов. Более всего смущало крестьян и наводило на мысль о злоупотреблениях, что Николай Семенович, человек более чем бедный, со времени выбора его в хозяйственные заседатели стал быстро поправляться. Сначала он прикупил лошадей, потом под предлогом, что служба отнимает много времени и хозяйство приходит в упадок, нанял двух работников и увеличил запашку хлеба. Затем и изба его показалась ему мала, и через год наемными рабочими он выстроил чистенький домик с обширными амбарами. "Растет Семенович не по дням, а по часам!" — шептали, покачивая головами, крестьяне, но откуда брался рост у Семеновича, для многих все еще оставалось загадкой. Как человек, он был ласков и уступчив; собирая подать, не прибегал к насилиям и терпеливо ожидал, когда недоимщики справятся с деньгами и сами внесут ее. А чаще всего за бедных и случайно подвергшихся несчастьям крестьян он вносил свои деньги. Подобные должники расплачивались с ним по частям хлебом, льном, лыком, кедровым орехом или за-

рабатывали ему свой долг. Вставши в более близкие отношения к нему, они хотя и замечали за ним кое-что, но из чувства благодарности и зависимости должны были молчать. Догадывались об источниках его обогащения и те из крестьян, которые были побогаче и не имели с ним обязательных отношений, но тоже молчали, зная, что он был нужный для них человек. Николай Семенович умел жить с ними, потакая их произволу относительно бедняков. Он, впрочем, со всеми умел жить, зная людей и быстро подмечая слабые струны каждого и обходя все, что могло раздражать и вызвать неудовольствие. Благодаря этому такту, он так обставил себя, что и неодобрительные отзывы про его деятельность раздавались не иначе как шепотом. Его боялись, несмотря на видимую уживчивость, тихий нрав и мягкую до приторности наружность. Живые карие глазки его всегда так лукаво ласкали, певучий голосок приятно щекотал слух казалось, вкрадывался в душу; небольшое круглое лицо с острым вздернутым носом и пухлыми румяными губами, обрамленными черною бородкой и усами, привлекало

своей милovidностью, а в особенности характерною улыбкой, выражавшей не то иронию, не то внутреннее довольство собой. От этой улыбки и певучего ласкающего голоса люди, знавшие его ближе, всегда чувствовали инстинктивную робость и стеснение. Убаюкав своею предупредительною услужливостью ум и волю волостного головы, он постепенно отстранил его от дел и, осторожно проследив все действия волостного писаря, поставил его в безвыходную зависимость от себя.

Игнатий Петрович Коробов, допущенный в волостные писаря из ссыльнопоселенцев, по первым приемам его догадался, с кем имеет дело, и после непродолжительного объяснения, происшедшего между ними на первых же порах, они поняли друг друга и превратились в закадычных друзей. С этого времени и начались по волости небывалые прежде поборы, порождавшие даже в легковерных умах сомнение в законности и необходимости их.

Быстро прошло трехлетие, быстро оперился и Николай Семенович, превратившийся из бедного человека в зажиточного. Он заметно пополнил, и солиднее обложился подбородок

его пушистой окладистой бородкой. Голос, сохранив все тот же певучий тон, приобрел уверенность, свойственную людям, сознающим свое финансовое или бюрократическое превосходство. Знакомство он повел с людьми зажиточными, принимая только их в своих чистых горницах. Бедняки же, обращавшиеся к нему с просьбами, нередко по часу, по два ожидали его на дворе или в черной жилой избе. Около дома его, с резными воротами и подоконниками, останавливались и повозки заезжавших к нему в гости купцов. Привык он и к незнакомым ему до того удобствам жизни: и к чаю, и к тележке с коваными окрашенными колесами на длинных дрожинах. В разговорах он приобрел привычку многозначительного задумываться, заложив пальцы рук за алый кумачный кушак, тянуть слова, и слова не простые, а все более отборные, неслыханные: "резонт", "атшлифовка", "пальтурный человек", "фартибликация" и т. п. И дивились, слушая его, простодушные крестьяне, откуда у Семеновича столько ума вдруг взялось? Вырос за это время и у Игнатия Петровича на конце села домик с антре-

солями на выточенных колонках, и взял он на себя подряд от крестьян села Бог... содержать земскую квартиру для приезжающих властей. И полюбили его власти, потому что нигде так пышно не взбивались для них пуховики, нигде не пекли таких сочных и вкусных рыбных пирогов, не жарили так мастерски цыплят, как у Игнатия Петровича. И в какую бы пору ни приезжали исправник или заседатель, у Игнатия Петровича всегда находился для дорогих гостей и ямайский ром, и густые домашние наливки, а в частую и бутылочка, другая шампанского. Кроме хлебосолюства исправника привлекали к нему черные глазки и свежие пухленькие щечки его дочери. Игнатий же Петрович был так предан начальству, что не имел от него ничего заветного. Не меньшим расположением властей пользовался и Николай Семенович. Исправник объезжал волость не иначе как в сопровождении его и постоянно в одном тарантасе с ним, что еще более сковывало возникавший против него ропот крестьян. На сельских сходках исправник постоянно высказывал крестьянам мысль об избрании Николая Семено-

вича головой. И действительно, перед выборами по деревням сильные своим влиянием богачи подстрекали крестьян на выбор Николая Семеновича, так что выборы долго колебались между ним и другим кандидатом, Антоном Аверьяновичем Бобовым. Но сверх всякого ожидания, приниженная и задавленная бедность подняла на этом сходе громкий ропот о злоупотреблениях, и головой был избран Бобов.

Подобный оборот выборов застал Николая Семеновича и Игнатия Петровича врасплох, не подготовленными к смене и учету. Неодобрительно взглянуло на исход выборов и земское начальство, но воспрепятствовать утверждению вновь избранных волостных начальников не могло без особенно уважительных причин, тем более что избранный голова слыл за человека умного и не замаравшего себя никакими предосудительными поступками.

Настали тяжелые дни для Николая Семеновича и Игнатия Петровича, который дни и ночи проверял и перебеливал черновые денежные книги и тетради, составлял из них

выписки и ведомости. Николай Семенович безвыездно жил в волости, забыв о доме и хозяйстве. Нередко вдвоем, запершись наглухо, они советовались между собой, и Николай Семенович замечал, что, в присутствии новых волостных начальников, Игнатий Петрович постепенно охладевал к нему и исподтишка наводил их на следы злоупотреблений. Через месяц после выборов из губернского правления был прислан указ об утверждении в должностях избранных волостных начальников и о приводе их к присяге. Но прежде чем вступить в должности и принять денежные документы и суммы, новый голова собрал сход для выбора учетчиков, и общий голос крестьян пал, как мы видели, на Максима Арефьича.

— И чего бы усчитывать-то! — раздраженно говорил Николай Семенович, пришедший к Максиму Арефьичу, не успевшему еще обогреться с дороги по приезде в Бог... — Дела светлей солнца, без хвастни сказать, так нет, усчитывать, кричать надоть! Что ж, и усчитывайте, говорю, коли веры нет, не сами вы волостными сели, вы ж, говорю, обществен-

ники, выбрали[1]. Ах! да грехи одни обсказывать-то! — заключил он, махнув рукой и быстро, но пристально окинув взглядом Максима Арефьича, сидевшего напротив него у печи, как бы желая уловить впечатление, произведенное на него речью.

— Порядок-то один ведь, не тебя первого, всех усчитывают!.. — ответил Максим Арефьич, облокотившись руками на колени и глядя в пол.

— Считай! Да до времени, говорю, не порочь человека — вот что!

— А разве несут на тебя?

— Послушай-ко, чего поют-то? Плут из плутов стал. Бона до какой чести дожил за мое-то радение! Да пошли им господи за ихнее-то спасибо!..

— Диво, что беспричинно-то это?

— Кабы причина была, душа бы не болела, Арефьич! — знал бы, что за грех ответ несут!..

— И не убивайся до время, коли совесть чиста!.. Николай Семенович пристально посмотрел на него, и на губах его мелькнула неуловимая улыбка.

— И в самом деле, ты вправду говоришь, —

снова начал он после минутной паузы, — и то, не с чего убиваться-то! Бедко[2] только, говорю, что за мою-то добродетель экая отплата! Спроси-ко теперь по волости, кто бедность-то в нуже выручал — я! У иного бы за подушную-то последнюю лошадь аль корову со двора свели, а свел ли у кого я? Никто не скажет! Бывало, последние свои деньги внесешь, только б не зорить! И теперича за кого кровь-то свою сочил — на тебя же орут, за добро-то мое! Разве это не бедко, Орефьич?

— Бедко-то бедко... да чего ж делать, стерпи!..

— Не легко терпеть-то оно! Не мои бы годы, а инда слеза бьет!

— Увидят, неправду несут, и образумятся, им же стыдней!..

— Рад вот я, что ты в учетчики-то попал. Ты не то что другие, ты обсудишь! Теперя, к слову сказать, и в самом деле, коли где недочет — ведь грамотное дело-то, каждую-то копейку в памяти не удержишь! Посуди ты, чем я-то повинен! Я и сам человек подначальный был! Голова что прикажет, бывало, то и делал, ты и спрашивай с головы! А поют, вишь,

что голова-то знал пролежни на боках растить, а волостью-то ты, говорят, заправлял, порядки-то всякие вел!

— Оно и вправду ведь, Николай Семеныч, чего ж таиться-то? — спросил его Максим Арефьич после короткого раздумья.

— Не отопрись! Да ведь я про то говорю, что если б и ты был вподначале у кого и сказали бы тебе: энто ты вот так сделай, а энто этак, кто ж должен, по-твоему, в ответе быть, рассуди!..

— По-моему-то? не прогневи, на мой бы ум тот, кто делал...

— А с какого ж бы резонту?

— Коли неправду какую тебе наказывают — отшатнись, на мой ум, не прймай и греха на душу!

— А опосля б того за непокорство к суду иди?

— Иди!.. Коли ты с чистой совестью, нигде не пропадешь, а все твоя правда сыщется, свечой загорит!

— Вон оно как по-твоему-то! Ну, а как теперича ты вот это дело рассудишь? Скажу, не таясь, есть у нас недочет. Еще донского году

как-то исправник наказал справить дорогу в Со...но, Акинф-то Васильич сгоряча тогда и оповестил их: ваш, говорит, участок [3], правьте!.. Ну, Со...цы-то и приговорили в то время наймом выправить и деньги собрали, и приговор на это есть! Ладно! Храню эти деньги, при общей поправке, думаю, приложу и их: заодно уж труситься-то! Только и придись нам вносить подать, а мы в те поры, на грех, много не добрали. Акинф-то Васильич и говорит— "Взропчет начальство, что мало собрали, прилож-ко, говорит, к ней и энти деньги, все, говорит, повидней будет, опосля, говорит, как ни есть обвернемся!" Я и приложи по его-то слову, а он теперь в отпор: "Каки, говорит, таки деньги, я и не помню!" Ну, кто ж повинен-то, что такая совесть у человека, а?.. — Ты!..

— Все я... Ах, путай те грех!

— Ты! — снова повторил Максим Арэфьич, — и солнца бы чище у человека совесть была, а все этих делов глаз на глаз не делай, неровен случай!

— Что ж, за все свидетелев, что ль?

— Очищать себя греха нет, Николай Семе-

ныч... особенно в крестьянской копейке! Крестьянская-то копейка — та же кровь!

— Ах! тогда бы вот экую-то науку, а теперь уж поздно!..

— Поздно, Николай Семеныч, поздно!.. Мал бы на што ты стал собирать с мира деньги, а голова бы тебе насказал, туды их приложь, да в ино место прикинь, а ты бы и клади, да прикладывай! На что ж ты после этого хозяином-то по волости был выбран? Дело-то головы порядок блюсти, а твое — счет охранять, что свою душу, мирскую-то копейку!

— А-а-ах! грех! накупаешься, никак, за чужие-то грехи... накупаешься!

— Глубокой колодец, мирская-то казна, Николай Семеныч; не ты один в нем выкупался, все дочиста моются, черпают да попивают из него — только не уставай мужик подливать!..

— Мне-то бы к чему этакие-то слова? — спросил весь вспыхнувший Николай Семенович.

— Спроста... к слову подошло!

— Мир-то говорит, что твое-то слово, как ни жуй, а все не проглотишь! не из тех ты, что спроста-то звонят!..

— Все мы одного куста ветки, под одним дождем и зноем живем!

Николай Семенович замолчал и обвел глазами вокруг чисто выбеленных стен, украшенных лубочными гравюрами. — Так как ты мне посоветуешь? — снова обратился он к Максиму Арефьичу.

— Стар я, мне ли советы давать! — отрывисто ответил Максим голосом, в котором слышалось раздражение.

— У старого-то и спрашивать. Старый-то ум ядреный, что вековая сосна! — заигрывающим голосом продолжал Николай Семенович.

— А сосняк-то ноне... ска-азал бы я тебе...

— Что ж?

— Смолчу!

— По душе коли, говори. Я люблю, когда по-душевному-то!..

— Любишь, так таить не буду. Сосняк-то ноне, говорю, скороспелка пошел! Стары-то сосны сперва в землю глубже корни пустят, да опосля уж вверх и тянутся — ну, и крепки были! А нонешний-то...

— И вправду сосняк ноне пошел не старому чета, попроче ровно и иглой-то помягше,

зря не колет! Это вот ину пору пораздумаешь-ся, ты к иному с добром, а тебе все на зло, все-то на зло! Есть вот... у меня, как бы сказать, конек, мне-то бы совсем он не ко двору, а по-дари бы я тебе, ну, чего б ты подумал про меня! И-и невесть бы что, поди, — ей-богу!

Максим Арефьич с минуту сидел молча и наконец, улыбнувшись, покачал головой. Николай Семенович наблюдал за ним с самым наивно-добродушным выражением в лице.

— Оно бы и подумал, — произнес после короткого раздумья Максим Арефьич, — с какой бы это прибыли ты расходоваться стал на дары-то мне?

— Вижу, что бедное дело — для че не помочь?.. друг бы о друге, а бог за всех!..

— Нешто я жаловался тебе, что беден?

— Слыхал от других!

— А-а-а!.. вот ты какой добрый, пошли тебе господи... Ты чего ж это, Николай Семеныч, спрошу я, бедным-то на дары расходуешься?

Николай Семенович смешался и незаметно отвел глаза в сторону.

— Худая слава про меня, Максим Орефьич, идет, — с грустью заговорил он, — только на-

прасливая, не таковский я! я каждому бы готов... коли человек по душе мне... ты вот мне теперь... што отец сыну, завсегда вместе бы я тебе, ей-богу...

— Скоро же ты облюбил меня!

— Человека-то сразу видать, каков он... душа-то какова!

— Правда твоя, Николай Семеныч! другой все норовит, как бы людей одурачить, а того и не приметит, что сам себя дурачит. Не люби мне твои речи, не погневи! Молод ты еще, не по весам гири-то выбрал...

— Што ж я-то по твоим-то речам, скажи, не таись!.. ба-ахвал, аль што?..

— Охота пришла знать — скажу, что неиздашные-то хлеба завсе мягки на вид!

— Не выпекли, стало быть! ну допечете, жару-то в вас не занимать!.. С чего ж бы мне пред тобой извороты-то эти делать? Аль што учетчик-то? Так я бы это, боюсь... а-а-ах-ха-а!..

— Боишься, Николай Семеныч! Ну, зачем ты ко мне прибежал, а?.. Сроду мы друг друга не знали, а ты с ветру увидал человека — уж коня даришь! Опомнись, темная душа твоя, не докуда кривыми-то путями ходить! Стучит

В тебе совесть-то, что молот в кузне, — вот ты и не знаешь, куда кинуться от нее. Уйди-ко лучше.

— Не засижусь, не бойся... Уйду! помни же, хваленая честь! помни, что скороспелые-то сосенки только гнутся от ветра, а ядренные-то с корнем вылетают! — злобно произнес он, выходя от него и хлопнув дверью.

Накануне дня, назначенного для учета, село Бог... одушевилось. Учеты всегда производятся при полном составе общества или не менее двух третей его и продолжаются по нескольку дней. Часто они бывают весьма бурны. Накипающее у крестьян недовольство на волостных начальников, на их произвол, несправедливость, взяточничество и воровство кровных мирских рублей выливается массою попреков и насмешек над ними. Много происходит и трогających за душу сцен.

В день учета волостное правление приняло праздничный вид. В нем с утра было накурено можжевельником. В передней половине присутственной комнаты, отделенной решеткой для помещения членов и канцелярии, стоял аналой, приготовленный для приведе-

ния к присяге новых волостных начальников и учетчиков. Около него стоял на скамье баул [4] с замками и печатями, в котором хранились приготовленные к поверке и сдаче суммы. И присутственная комната и две смежных с нею были полны народа, но в толпах не слышалось ни шумного говора, ни смеха.

Не меньшая торжественность проглядывала и в наружности и костюмах новых волостных начальников. Голова, плотный приземистый человек, с широкою, падавшею на грудь бородою, одет был в зипун тонкого черного сукна; от высоких сапог его припахивало дегтем, смешанным с рыбьим жиром; волосы на голове намазаны были коровьим маслом, от которого лоснился лоб. Прилично случаю, лицо его было серьезно, хотя в обыденной жизни он был весьма веселый человек. Сидя около широкого письменного стола, он вполголоса беседовал с Акинфом Васильевичем. Рядом с ним писарь с одним из своих помощников распечатывал пакеты и помечал вновь вступившие бумаги. У окна, за аналоем, стоял Максим Арефьевич с новыми заседателями по хозяйственной и полицейской части, кото-

рые, так же как и голова, были в новых зипунах и накануне вступления в должность сходили в баню. Николай Семенович, с раннего утра пришедший в волость, сидел около баула поодаль от всех. Он также щеголевато оделся в бешмет, опушенный белой мерлушкой, и с любопытством наблюдал за тихо волнующейся толпой. После привода к присяге, по уходе священника, члены распечатали баул и приступили к проверке денег. Толпа заколыхалась и налегла на решетку. В задних рядах ее становились на носки, упираясь в плечи и головы передних, наблюдая за толстыми пачками пересчитываемых ассигнаций. "У-ух денег-то!" — невольно вырывалось у иного.

— Побойчее, Трофим Митрич, считай! не мусли деньги-то: казенно добро смочишь, что проку! — с иронией произнес стоявший у решетки, опершись на неё всею грудью, старик, обращаясь к новому хозяйственному заседателю.

— Не навык еще, — ответил он, — не просчитаться б, думаю!

— Приплатишь! не бедное дело!

— С первого-то дня, друг, платиться уч-

нешь — скажется...

— Ничего, бог даст, поправишься, должность доходная! Кругом прокатился смех.

— Не обходился еще! сызнава-то все они, как молоденцы малые, ощупью около денег-то бродят! — пронеслось в толпе.

— И послужить-то не дали, а уж укорили! — обидно ответил новый заседатель, кладя на стол отсчитанную пачку, — не из тех я, штобы мир распоясывал свои карманы на мой обзавод!

— Оно давай бы бог, Трофим Митрич! да вишь... мир-то из веры вышел, говорит, что сызнава-то вы все одну песенку поете. Вот и за тебя опаска берет, что ты казенные бумажки муслишь. По мирской молве худая это примета...

— А что ж бы?

— К пальцам бы, говорят, не стали прилипать... В толпе снова раздался смех.

— Не во гневе его милости, Николаю-то Семенычу, сказать, — продолжал меж тем старик. — Спервоначалу-то, помнится, и-и-и с какой оглядкой он к казенным-то бумажкам касался, а опосля так пообвык! что инде карма-

ны перемешал: где бы надо в казенный опустить, а он все в свой да в свой!

— Свой-то ближе! — крикнули из толпы, — а в казенный сколь ни вали, все, как в худую плотину, прорывает да прорывает...

— Про то и говорю, а на бумажках-то не написано, которая своя, которая казенная, а долго ль смешаться, особливо неграмотному! Где бы на свою лошадок прикупить аль к дому чего пристроить, а он все, по ошибке, на казенну да на казенну! ты уж, Трофим Митрич, бог даст, пообслужишься, так коли в суматохе когда доведется тебе в свой карман казенную бумажку опустить, так угольком пометь ее — пра-аво!.. А то, храни бог, и ты учнешь смешивать, как Николай Семеныч!

— Увар Прокопъич, а ты видал, как я казенные бумажки с своими мешал? — угрюмо спросил его задетый за живое Николай Семенович.

— Дела-то энти впотьмах деются, Николай Семеныч! как ты увидишь их? А что худые стряпки завсе о горячие горшки руки обжигают — это видывал, не потаю!..

Дружный взрыв хохота снова прервал

речь Увара Прокопьяча, на лице которого играла ирония и вместе наивное детское лукавство, придававшее и самой иронии его добродушный оттенок. Говорил он тихо, но все-таки каждое слово его долетало в смежные комнаты, откуда виднелись вытягивающиеся головы, чтобы послушать. Заметно было, что каждое слово его было эхом затаенной думы всех. Увар Прокопьяч в подобных случаях всегда играл роль запевалы и, завершив свое дело, мирно удалялся.

Вот Николай-то Семеныч, говорю, — продолжал старик, нагрел ручки-то около мирского-то горшка, ну, ноне оне и побаиваются холодку-то! И заморозков нет, а он уже рукавички надел! А наш брат мужик и в мороз только в пальцы дует... А-а-ах ма! беда простотой родиться! Ты где это, Николай Семеныч, рукавички-то покупал?.. — спросил он, указав на окно, где с краю лежала смушковая шапка бывшего заседателя и замшевые рукавички, расшитые цветною шерстью.

— А ты не купить ли хошь?.. — с злою улыбкой спросил его Николай Семенович.

— Ужо... не равно заседателем мир-то вы-

берет, так запасться бы! Теперя-то пока еще мозоли руки греют, а на теплом месте, гляди, и пропадут!

— К чему ты мне все эти речи загибаешь! — спросил побледневший Николай Семенович, когда в толпе замер раздававшийся смех.

— Отгани-ко вот, с какой начинкой сноха про деверя пироги гнет?

В толпе снова прокатился смех, заразивший даже и членов.

— Ой... не рано ли печь-то принялся их! обождал бы!

— Поспели — так чего ждатель! режь да ешь на доброе здоровье!.. Аль не по зубам? Иду я, братцы, как-то ноне, да и глянь ненароком на дом-то Николая Семеныча, да с простоты-то и не остерегся! гляжу — ах ты, напасть! шапки-то на затылке как век не бывало! Ну и высь!.. ай и домина! Дай, думаю, спрошу Николая Семеныча, в какую тыщу он ему стал?..

— На мой бы ум, Увар Прокопъич, не лез бы ты на меня до время, что собака на кость! — дрожащим от волнения голосом произнес, подходя к решетке, Николай Семено-

вич.

— Жирная кость-то, Николай Семеныч, есть чего погрызть! а ты не серчай, ведь я с простоты! мужик ведь... что малое дитя, на все-то ему поглядеть надоть да пощупать, а засвербят зубы в десенках — и поточить их!..

Желая скрыть свое смущение, Николай Семенович быстро отвернулся среди раздавшегося в толпе смеха и отошел к столу.

— Какие, Николай Семенович, 186... году, ты деньги в податъ внес 523 рубля? — неожиданно спросил его в это время Антон Аверьяныч.

При этом вопросе толпа стихла, и все стали слушать с напряженным вниманием. Окончив перечет сумм, бывших налицо, и проверив их при помощи писаря с ведомостями и квитанциями казначейства, волостные начальники и учетчики встретили крупное недоразумение. За один из годов было внесено на 523 рубля более противу действительного поступления. Между тем недоимка в последующие года собиралась без исключения этой суммы. Податъ же вносилась в казну за исключением ее.

— Бумажные, Антон Аверьяныч! — с иронией ответил Николай Семеныч, — все 523 рубля бумажками были!..

— И без тебя знаю, что злата-то, серебра немного по рукам ходит, я про то спрашиваю, отколь ты их взял?

— Из сундука!..

— Не время бы, Николай Семеныч, шутки шутить! — вмешался Максим Арефьич.

— Про шутки-то я, Максим Орефьич, то скажу: Увар Прокопъич вон подшучивал, так вы ничего, посмеиваетесь. Так и мне нечего плакать. Вот я на то и говорю: отганите-ка, отколь они в сундук попали, а я помолчу! Аль сказать, а? или послушать, что Акинф Васильич скажет!

Акинф Васильевич Сабынин, стоявший у стола скрестив на груди руки, с недоумением посмотрел на него. Это был пожилой человек, лысый, с болезненно отекившим лицом. Серые глаза его постоянно слезились, отчего он поминутно отирал их клетчатым платком, постоянно хранившимся за пазухой по неимению карманов.

— Не меня ведь спрашивают, а тебя! — от-

ветил наконец он.

— Общественники-то на меня несут, а ты заступись! аль кто в грехе, а я в ответе? Не по твоему ль наказу я деньги-то эти с Сор... на поправку дорожного участка собрал, а ты в те поры велел их к подушной приложить, а?

— Я... я велел, это точно, не отопрись! — ответил Сабынин после минутного раздумья, — только ведь я тогда же тебе наказал засчитать их в пополнение недоимки на С..., а ты вон все сбирал да сбирал. Куда ж ты энти деньги девал?

— А ты не помнишь?..

— Не запомню что-то...

Все с любопытством смотрели на них. Акинф Васильевич, вынув платок, отер им глаза и лоб и, снова сложив, опустил за пазуху.

— Не разгулялся еще! Пожалуй, и то заспал: когда на другой год собрали недоимку, а я хотел засчитать 523 рубля, ты что мне сказал на это?

— Чего ж?

— Не надоть, — забыл?

— Ты что-то того... ровно...

— А-а-а... тут и того... не вспомнишь!.. А ко-

гда я стал говорить тебе: да как же, мол, это оставлять-то их? и то, говорю, мир со слезами ропчет, что все поборы да поборы. А ты что сказал? Поропчут да такие же будут!

— Я будто это тебе сказал?

— Мужик, говорит, что ворона: на дождь и на солнце каркает! а ты, говорит, дай-ка мне их для оборота, опосля справлюсь, внесу... да так и внес их!..

Акинф Васильич стоял, как оглушенный громом; глаза его широко раскрылись и глядели тускло, бессознательно.

— Вот где, общественники, денежки-то ваши плавают, — обратившись к толпе, продолжал Николай Семеныч, — не все руки виноваты, что собирают, руки-то голове повинны! Да еще тогда же на мои слова смехом говорит мне: волостных-то на то, говорит, и сажают, чтобы дураков крестить!

— Кто ж бы дураки-то? — пронеслось в толпе.

— Мужики! И деньги эти тогда же своими руками отобрал от меня, как теперь помню, отколь-то одна бумажка фальшивая запуталась и ту взял, уйдет, говорит, заодно с путны-

ми.

В это время Акинф Васильевич, очнувшись от неожиданности, развел внезапно руками и хлопнул себя по бедрам.

— А-а-ах! проснулся-таки! — со смехом произнес Николай Семенович.

— Ну, братцы! — обратившись к окружающим членам, начал Акинф Васильевич, — пятый десяток на свете маюсь... видывал народу и худого, и доброго, но экого человека впервой. Да какая это тебя и мать-то выносила, Николай Семеныч, скажи ты нам?

— Чужая, Акинф Васильевич, своей-то не было, сироткой родился! а ты, чем матерны-то косточки трясти, сними-ко лучше с души моей грех!

— О-опомнись... человек ли ты, есть ли у тебя бог-то!

— Я-то завсе в памяти, ты проснись, да бога-то в наши дела не путай, у него и своих много! Как мир-то на меня ропчет, что я его обворовывал, так вы все молчите. Вон учетчик ваш, правдивая-то душа, Максим-то Орефьич, и не поймал, да уж оципал! и вор-то я, и скороспелая-то сосенка промеж ядреных де-

рев! За тебя стал ему своего коня дарить — и не подступайся! А как 25 рублей дал, так взял! Коня-то, говорит, каждый увидит, а деньги-то не мечены!

Максим Арефьич побледнел и стоял неподвижно, только нависшая над бровями морщина нервно дрогнула.

— Что ж ты молчишь... — снова обратился к нему Николай Семенович среди всеобщего изумленного молчания, — и ты бы, как Акинф Васильич, по крайности, руками похлопал, да сказал бы: неправда! а?

— Правды-то, Николай Семеныч, никакими речами не утопишь — выплывет! — тихо ответил Максим Арефьич.

— По пути ли ты, Николай Семеныч, все эти выводы-то затеял? — вступился наконец новый голова, — ой, не оступись!

— За чужую-то поступь, Антон Аверьяныч, не бойся, свою блюди!.. Не рано ли ты вот сапожки-то высветлил — не замарай! узка наша тропка, и лужиц много! Припомни-ка как, в головы-то садясь, ты хвалился ходить по ней? — спросил он покрасневшего и растерявшегося нового голову.

— Совесть-то где ж у тебя, а?.. на поклепы-то эти?.. — спросил тот, оправившись от неожиданного упрека.

— Потеряна!.. да ты чем спрашивать-то, по себе примерь, откуда ей быть у волостных! Вот, общественники, облаяли вы меня вором, да до поры до время! Воров-то у нас и напередки будет много, поколь темнота наша будет стоять, что дремуч бор! Вот ты, Увар Прокопич, на дом мой засмотрелся, что инде шапка свалилась, а что ж ты не сказал, падала ли у тебя шапка аль нет, когда ты на дом нашего писаря глядел, а?.. А ты не белей, Игнатий Петрович! — насмешливо обратился он к побледневшему при последних словах его писарю, — общественники с волостными накинулись на меня, что вороны на падаль, а ты застыдился, и от старого друга подале! Так допрежь чем расстаться, оглядимся, у кого боле клею на руках было! А-а-ах! — с злобным хохотом продолжал он, — бывало, как деньги делить, так Игнатий Петрович без зову бежал, а теперь и смотреть не хочет, так заспесивился! Ну-тко... не гляди-ко шибко в бумаги-то!.. скажи-ко лучше, как ты на деньги-то,

собранные на новую икону, дом тесом обшил — а? Вместо царского-то портрета полы выкрасил... а?.. А-а-ах! Максим Арефьич! ведь ты учетчик — что ж молчишь-то! аль и тут тебе деньгами рот замазали? а?..

— Мы об этих делах спросим с хозяев, а не с работника, — спокойно отвечал Максим Арефьич, — деньги-то на царский облик и икону не писарь сбирал, а ты: ты же о ту пору и на поправку дорог сбирал. По мирскому приговору ты по два рубля тогда с души собрал; с 1713 душ, добры люди говорят, 3426 рублей. На экие деньги дорогу на десять лет можно выправить, а как ты ее выправил?

— Худо... что я наделал, все худо!..

— Хвалят-то хорошее! не гневи! Отдал ты ее по контракту в подряд Раймолову, из чужой волости — неуж бы по нашей-то не нашлось, кому взять его... а?..

— А-ах... и в том, значит, повинен, что не нашил шапок мирские плечи прикрывать! — с иронией ответил он.

— Повинен!.. ты вот мир оголял да себе шапку сшил!.. Станем-ко без шуток говорить, а напрямки... будет! за три-то года досыта на-

шутились!.. С нашими-то мужиками тебе бы нельзя плутовать: все бы на виду было, вот ты и кинулся в сторону...

— Соловушка-то ваш, общественники! слышите, поет — заливается!

— Общественники слышат, Николай Семенович, у кого какой голосок! ты так же напел небылиц, только одно забыл, что у общественного, кроме уха, и глаз есть...

— Ну, а еще что... поговори, Максим Арефьич, послушаем!

— Послушай, коли на то пошло, послушай. Ты ж хвалился, что еще не последний вор, что много их и напередки будет! так вот, глядя на тебя, хоть другие поучатся, как ответ миру давать! ты дорожный-то подряд отдал Раймолову, потому что с ним вместе торгуешь... Деньги-то эти ты с Раймоловым да с исправником между собой поделили... А на починку-то дороги и 300 не истратили.

— Это ты верно сосчитал?

— Считать нам все твои дела не приводится; мы считать будем только мирские слезы! — все более и более оживляясь, заговорил Максим Арефьич.

Напряженное внимание в толпе выражалось не одним молчанием. Каждый жадно вытягивал голову, вслушиваясь в слова, отчетливо разносившиеся по комнате.

— Ты подряд-то отдал ему, общество не спросил, а только уж контракт заключивши, вычитал его обществу! В контракте-то было выговорено, чтобы мосты все были новые, перила выкрашены, версты все были новые, гати перестланы заново, дорога вычищена и посыпана дресвой на все 120 верст. А как ее выправили?.. Какой до поправки была, такой и теперь стоит. Версты все старые, все-то скосились на стороны, словно от глазу хоронятся. У мостов кой-где только бревнышко вколочено, а перила-то под мостами лежат. Каждый, допреж чем на мост въехать, перекрестится да чудотворцев на помосу кликнет, чтобы бревно по затылку не ударило. Ни повозка, ни телега гатями-то не проедет, чтобы ось не хряснула. На 120 верст робыло ли 20 человек, и как робыли! через сажень лопаткой поковыривали... Это за три-то тыщи! Не тягота это миру, Николай Семеныч, а? Кто должен теперь дорогу-то править, коли начальство сыз-

нова потребует? А оно не сегодня, завтра потребует; гляди ведь, на дороге-то ни проходу, ни проезду нет! Сызнова три тыщи собирай! Сызнова мужик веди корову или лошадь со двора, чтобы внести эти два рубля! да отколь же миру-то взять... на вашу-то наживу!..

Вместо ответа Николай Семенович, заворотив полу бешмета, отер им лоб и лицо.

— Холодку бы, други, нагнать! — внезапно произнес Увар Прокопъич, — а то Николай Семеныч-то разогреться начал, инда в пот кинуло!..

В толпе послышался смех.

— А кто дорогу-то принимал от подрядчика? ты один! А нешто это одного тебя дело касалось?.. Ведь это мирское дело-то, общественное! Ты должен был всех сельских старост созвать да по крайности трех, четырех выборных от каждого сельского общества, чтоб они дорогу-то оглядели да приняли ее от подрядчика. А кто был, ну-ко?

— Ты об этом, Максим Арефъич, помолчи, тебя это дело не касается!.. — остановил его Николай Семеныч, в голосе которого не слышалось уже игривой иронии.

— А-а... тут так не касается.

— Так точно! Не твоего оно ума!..

— А чьего ж бы?

— Вышнего начальства, коли знать охота пришла! Дорогу-то эту от подрядчика сам исправник принимал, с него и спрашивай, коли она тебе не по нраву... Слышал, а?

— Исправник принимал, а чьими деньгами за дорогу-то расплачивались: исправническими аль мирскими? Исправник-то небось своей копейки не приложил, а с мира все до единой вытянули... Так какое ж ему дело было принимать ее на свою душу?.. Его дело приказать править, а примать на свой страх не доводится! А и люди! да доколь же это бессудье будет над нами! Правду на миру говорят, что бессуднее Сибири земли на свете нет! Коли ты, наш же брат мужик, одной долей окрещен и взрощен, и ты на мирские слезы обстроился, так уж отколе теперь миру защиты ждать! Ты вон на икону для волости да на царский облик без мала 200 рублей с мира собрал, да сам же еще смехом похваляешься, что на место царского-то обличья писарь полы себе выкрасил... а заместо святителей-то

дом тесом обшил!.. Да нешто у путного волостного писарь бы смел сам деньги взять? Нешто у домовитого хозяина работник украдет, а?.. Оба вы вместе воровали, оба и обстроились! А мир плати, натружайся, ходи наг и бос!

В толпе пронесся неясный гул.

— Ты сам был волостной, так тебе ли скачивать! сам видел: сыплет, сыплет мир подати, что зерна в бездонные закромы, а все мало, все подливай на каменку, чтобы другим было теплей! Только на подать да на поборы от рождения до смерти и мается мужик, робит, не покладывая рук, поколь бог не пошлет по душу. Гляди, мозоли-то на руках, что каменья! поди, и червь-то в могиле не прогрызет. И тут ты еще последние нитки обрывал!.. наш же брат мужик, да смеешь еще говорить, что мир тебя угнетает... Гляди-тко, у тебя не повертывается сердце, как мир-то объедают, а? Ты вот по контракту за дорогу-то три тыщи отдал, а где у тебя остальные-то 426 рублей... Ну-ко, скажи!.. Аль исправнику отдал, чтоб он у тебя с Раймоловым дорогу-то принял... Ну-ко, скажи нам, как ты за то, что в одном та-

рантасе с ним ездил да чай-то вместе попи-вал, ссужал его мирскими деньгами по две да по три тыщи?

— Ты одумался ли, Максим Арефьич, чего насказал-то? — остановил его Николай Семеныч.

— Одумался, не сумневайся!

— Опомнись-ко... за этакие-то речи, бывает, и к ответу водят.

— Не страшай, Николай Семеныч. Тихой я человек, да не боязливой. Коли бог велит к ответу пойти, пойду, дам ответ — на то и крест целовал! Не в мои годы кривыми путями ходить, мне и могила близка, так уж прятаться от доли не стану! Назудела вся эта неправда-то на мирской душе. Гляди-тко, мир-то, он весь тут! Спроси-ко, видывал ли кто радости-то на веку, так докуда же нам! Ты вот насказал, что и дары мне подарил, а теперь угрозил, что к ответу поведут, а я тебе скажу, что сам пойду к ответу! сам! Пора и вышнему начальству правду знать. Вы как слышите, что набольший начальник едет, так всякого мужика потолковой прячете, чтоб не выболтался. Всякой, кто поумнее, у вас ябедник, да

каверзник, да бунтовщик. Всякого норовили в дело впутать да услать! На какие ты вот деньги с Раймоловым скота накупал для приисков, а?.. на мирские!.. их в подать собирал, вздыху не давал, а сам пуцал в оборот, наживался на них... Ты волостной, а на чужое имя три кабака по волости держал, так какой у тебя мужику охраны было против кабатчика искать? Ты подать-то собирал в самое нужное время, когда знал, что у мужика ни копейки — засев на корню и продать нечего — да сам же и вносил, да за гривну-то на рубль хлеба брал!

— Правда! правда, Арефьич! — пронеслось в толпе.

— Этакого разорителя поискать!..

— Ах, слез-то наших много, други, на нем!..

— Ввел он меня, общественники, пошли ему господи боле... да и деткам его! — заговорил, выдвигаясь к решетке почти на плечах теснившихся крестьян, мужичок с белыми как лен волосами и бородкой. — Разорил ты меня, Николай Семеныч! Скажи-ко перед миром по совести: внес ты за меня в подать 15 рублей, а сколь ты выбрал с меня за них? За-

ступитесь, общественники, бедное мое дело, горькое, а он и тут последнее рвал!

— Чего с тебя рвать-то было, скажи-ка! — с злобою в голосе ответил, обратившись к нему, Николай Семеныч, — ты бы, прежде чем жаловаться, на себя-то бы поглядел: чего рвать-то с тебя? Ты, никак, и родился в этом бредне! Рва-а-ать! было чего рвать!..

— Бреденек он... да мой! А ты вот на наши-то слезы суконный с выпушками надел?

— Не на твои ли?

— И моих тут есть!..

— Ты вспомни лучше, где твои слезы-то у меня?.. Забыл, как кланялся да плакал, сапоги-то обмывал, обождать-то просил. Я из жалости свои внес!

— А вспомни ты, сколько ты перебрал с меня за них?

— Не подарил... а-а-ах, беда!..

— На дарено-то карманов у меня нет, Николай Семеныч, а твои пятнадцать рублей мне добрых тридцать стали.

— Сосчитал же... умеешь?

— Свое всяк умеет считать!

— Учись и чужое, авось на зипун сойдется!

— Хожу и в этом, зипуном-то не кори! трудовой он, не ворованный! Заступитесь, общественники! внес он за меня в подушну пятнадцать рублей, плачусь ему, плачусь, и все еще в долгу!.. Все еще каких-то пять рублей считает. Лонской год какой был неурожай, хлеб-то по семи гривен за пуд на отбой брали, а он своими руками у меня 12 пудов насыпал да со двора свез, а цену положил по 25 копеек с пуда. Не обида ли? А то навозил я о ту пору лесу, 17 лесин, в ину пору ты за 4 рубля экой-то лесины не купишь, а он взял да по восьми гривен лесину-то поставил... Не бедко ли это?

— На ядреных же поставках у тебя, Николай Семеныч, дом-то срублен! — вступился Увар Прокопъич.

— То-то... отдавать, так горе, а братъ, так горя нет! — ответил Николай Семенович. — Всю-то вашу мирскую правду можно за грош купить!

— Ты в свою-то онучу мирскую совесть не обувай, Николай Семеныч! — сказал Увар Прокопъич, — аль не любо, как старинку-то перетряхивают?..

— И зачем это вы, братцы, старое помина-

ете, — послышался голос из толпы. — Без того мужику тошно: все глаза по углам отхлопал, а вы еще в них песку сыплете. Когда татары с моего сенокоса сено скрали да увезли, он за то, чтобы рассудить нас, пять рублей с меня взял, три овчинки, ды были у меня весы медные еще от родителей — и их подобрал! да я и то молчу.

— Грех вам, общественники, слушать все эти наветы на меня, не угнетатель я был вам! — произнес наконец Николай Семенович голосом, в котором послышалась боль.

— Хуже всякого угнетателя был ты, Николай Семеныч! — снова прервал его Максим Арефьич. — Оглянись на себя, а коли совесть в тебе заснула, побуди!.. Одумайся, каких только за тобой делов не было!.. Ты только богатым мирволил, они и стояли за тебя горой! Какая бы ни была неправда, ты все им спускал, вместе с ними бедность-то зорил! А находил ли кто из бедных у тебя правду без денег? Гляди-ко, в волостные-то мы тебя садили — у дома-то твоего крыша падала... Лошадка-то была одна-одинехонька... Окромя армяка на тебе мир ничего не видывал! Оглянись ты на

себя — отколь у тебя дом-то взялся? Лошадей-то чуть не косяк [5]. За три года расторгвался, что купцу в пору! Отколь это все? Вот ты по два раза собирал, один раз по 20 копеек с души, другой по 11. Люди считают 532 рубля. Хлебные мангазеи по волости нужно было править, а правил ли ты их? Где у тебя эти деньги?

Николай Семенович молчал. Лицо его горело лихорадочным румянцем. Глаза щурились и точно налились влагой.

— Что ж, Николай Семеныч, скажи, где они у тебя... а? — снова повторил Максим Арефьич.

— Ты дай ему одуматься, Орефьич! — со смехом крикнули ему из толпы, — пуцай вздохнет!

— А-а-ах, други, бе-е-да худой девке житье, — начал Увар Прокопъич, — спутает-спутает волосы-то на голове, подойдет дело к свадьбе расчесывать их — и пойдет на гребень жаловаться, что больно дерет!

— Ты не из магазинских ли денег-то Орефьичу двадцать-то пять рублей дал, Николай Семеныч?.. Больно уж он тебя чего-то пытается

об них?

— Помолчите, други, не путайте! видите, человек думу думывает, а вы мешаете! неровен грех, он еще обмолвится, да на себя скажет...

— Не обмолвлюсь, общественники! — ответил Николай Семенович, обратившись к смеющейся толпе, — что говорить больше, коли все мои речи неправдивы!

До глубокой ночи потешался мир над своим уничтоженным владыкой, высчитывая ему все его неправды.

Учет продолжался более пяти дней. При помощи сельских старост и проверки книг много обнаружилось лишних переборов в податях и недоимках. Раскрылись и другие злоупотребления. Так, между прочим, за лечение приписанных к сельским обществам поселенцев и некоторых из крестьян в больницах приказа общественного призрения были взысканы с этих обществ, по общему подушному раскладу, деньги за употребленные при лечении их медикаменты и содержание, и в то же время раскрылось, что эти деньги были взысканы и лично с некоторых поселенцев и

крестьян, находившихся на излечении, а у одного из них даже продана была лошадь на пополнение этого долга.

По мере раскрытия этих злоупотреблений, беспощаднее сыпались на Николая Семеновича укоры и насмешки, но он выносил их с полным равнодушием. Он был спокоен; не менее его спокоен был и писарь, имевший с ним в первый же день учета, после того, как разошелся сход, довольно продолжительное совещание. Общество не приняло на себя суммы, собранной на исправление дороги, и начет, со включением ее и всех поборов, пал на Николая Семеновича в размере 6523 рублей.

Для человека постороннего сделалось бы невыносимо тяжелым зрелище той скорби, какая отразилась в лице Акинфа Васильевича Сабынина, когда, по приговору общества, пополнение 523 рублей, выведенных на него Николаем Семеновичем, пало на его долю.

— Снизойдите, общество! для бога, старости-то моей! за что я в ответе... за что?

— На себя пеняй, Акинф Васильич, а не на общество, — ответили ему из толпы, — за науку всегда платят!.. Недаром на миру-то гово-

рят: что кота бить, коли мясо скрал, бить того надо, кто его в амбар пустил!

— Общественники, будьте по правде! не богатое мое дело!.. Сам я просился у вас, освободите меня от службы! немочное дело мое, немочное! И рад бы служить, да нездоровье мое! Пошли тебе, господи, Николай Семеныч!

Вокруг царило тяжелое молчание.

— Тебе это ничего, Николай Семеныч, что из-за тебя этак убиваются? — спросил Максим Арефьич.

Точно не расслышав вопроса, Николай Семеныч молча отвел глаза в сторону.

Составленный обществом приговор о начете на другой же день при рапорте от волостного правления был представлен в окружное полицейское управление для поверки его и утверждения, и новый голова немедленно распорядился, чтобы со стороны общества были приняты меры наблюдения за имуществом Николая Семеновича. Но дело приняло неожиданный оборот. Вскоре после учета в полицейское управление поступил донос от имени писаря и Николая Семеновича "о подстрекательстве крестьян во время учета к

неповиновению властям, о порицании действий высших властей и правительства крестьянином Ознобиным". Сначала, по доносу, было произведено тайное дознание, и спрошенные крестьяне подтвердили все то, что говорил Максим Арефьич. Донос, вместе с дознанием, был представлен по начальству. Не прошло и месяца, как по этому делу в село Бог...е приехал особый чиновник для производства следствия; крестьяне снова подтвердили все, что говорил Максим Арефьич, да и сам он, с тем же воодушевлением, как и на учете, передал все тяготеющие над миром неправды. По окончании следствия дело было отослано на особое рассмотрение, и Максим Арефьич отправлен в острог, а по поверке учета все выведенные на Николая Семеновича поборы, по бездоказательности, оставлены без последствий, так что Николай Семенович внес только 200 рублей, собранные на икону и портрет государя. Сумма, павшая на Сабынина, за исключением внесенных им 100 рублей, по безнадежности взыскания ввиду его бедности, была сложена с него по приговору самого общества. Тем и кончился мирской

учет.

Через год последовало и решение по делу Максима Арефьяича о высылке его в дальнейшие места Сибири, если общество не возьмет его на поруки. Но он не дождался решения и той же зимой помер в остроге от тифа, постоянно свирепствующего в сибирских тюрьмах. Николай Семенович был прав, сказавши, "что скороспелые сосенки только гнутся от ветров, ядренные же вылетают с корнем вон!".

ПРИМЕЧАНИЯ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НАУМОВ **(1838–1901)**

Родился в Тобольске в семье чиновника, отличавшегося исключительной честностью, вращавшегося в кругу декабристов. С детских лет Наумов пристрастился к чтению. Учился в Томской гимназии, но за недостатком средств у отца вынужден был оставить ее. Не желая быть в тягость отцу, вышедшему в отставку с пустыми руками, Наумов определяется на военную службу, усердно занимаясь самообразованием.

Увлеченный освободительным движением 1860-х гг., уходит в отставку и уезжает в Петербург. В 1859 г. в редактируемом Н. Г. Чернышевским "Военном сборнике" появляется первый его рассказ "Случай из военной практики". Желая продолжить образование, Наумов определяется вольнослушателем в Петербургский университет, но в 1861 г. его арестовывают за участие в студенческих де-

монстрациях и затем лишают права посещения университета. Вторично арестован в 1862 г. по делу подпольной революционной организации "Земля и воля". С 1861 по 1863 г. рассказы и очерки Наумова появляются в журналах "Светоч", "Искра", "Современник".

С 1864 по 1869 г. писатель живет в Сибири, служит в Тобольске и Омске участковым заседателем уездного суда, изучает жизнь сибирских крестьян, тайно сотрудничает в "Обществе независимости Сибири". Обвиненный в политической неблагонадежности, вновь подвергается аресту и проводит два года в заключении. После освобождения возвращается в Петербург, где начинает активно печатать свои очерки из быта крестьян и рабочих Сибири в передовых столичных журналах "Отечественные записки", "Дело", "Русское богатство". В 1874 г. он объединяет эти рассказы в книгу "Сила солому ломит", которая используется народниками-революционерами для пропаганды в крестьянской среде. Вслед за этой книгой Наумов публикует сборники "В тихом омуте" и "В забытом краю".

В 1884 г. писатель покидает Петербург и

определяется на службу в Мариинске, а затем в Томске, где дом Наумова превращается в место сходак ссыльных революционеров-народников.

Тексты рассказов печатаются по изданию: Наумов Н. И. Собр. соч.: В 2-х т. Спб., 1897.

Мирской учет

Впервые — Отечественные записки, 1873, № 6,7.

3 Здесь в значении: неудачные.

Примечания

"Общественниками" назывались участники волостного схода, избиравшиеся по одному с десяти дворов. Кроме них участниками схода были все сельские старосты и волостное начальство. См. прим. 4 к рассказу Ф. М. Решетникова "Тетушка Опарина".

[^^^]

2

Бёдко — здесь в значении: обидно.

[^^^]

Исправление дорог в Сибири составляет одну из натуральных повинностей крестьян. По общему размежеванию, производимому крестьянскими обществами, — дорога распределяется участками по деревням и потом посажено распределяется на каждую душу в семье. Иногда крестьяне сами выезжают на поправку своих участков. Чаще же, по обоюдному согласию, исправляют их подрядом, собирая подряженную на расплату сумму, по сколько причитается по раскладке с каждой души. (Прим. авт.)

[^^^]

4

Баул — округлый или с горбатой крышкой сундук для хранения денег и цепных документов.

[^^^]

5

Двенадцать лошадей называются у сибирских крестьян косяком. (Прим. авт.)

[^^^]